

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени академика С. П. КОРОЛЁВА
(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»

Т.Ю. Демцова

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕГО КНИГОВЕДЕНИЯ

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия*

САМАРА
Издательство СГАУ
2010

УДК СГАУ: 002(075)

ББК 76.1я7

Д359

Рецензенты: канд. пед. наук, доц. А.С. Кочелова,

канд. пед. наук, доц. И.С. Богданова

Депцова Т.Ю.

Д359 **История и современное состояние общего книговедения:** учеб.
пособие / *Т.Ю. Депцова.* - Самара: Изд-во СГАУ, 2010. - 80 с.

ISBN 978-5-7883-0817-3

Предлагаемый материал излагается с учетом новейших изысканий в области современного книговедения, библиографоведения.

Разработано в соответствии с новыми требованиями Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по специальностям 030901 «Издательское дело и редактирование», 030903 «Книгораспространение».

Учебное пособие рассчитано на студентов дневной и заочной форм обучения. Может быть использовано практиками издательского бизнеса.

УДК СГАУ: 002(075)

ББК 76.1я7

ISBN 978-5-7883-0817-3

© Самарский государственный
аэрокосмический университет, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Исторический контекст книговедения	5
1.1. Книговедение и его роль в историческом развитии науки о книге	5
1.2. Книговедение как комплексная наука	11
1.3. Первоначальные этапы развития науки о книге в России.....	13
1.4. Деятельность русского библиографического общества (1889-1930)	17
1.5. Книговедческая деятельность Н.М. Лисовского	20
1.6. Русское библиографическое общество (1899-1931)	24
Вопросы для самопроверки	26
Глава 2. Книга и книговедение в системе смежных наук	27
2.1. Определение понятия «книга»	27
2.2. Книга и информация (социальная, семантическая, семиотическая, материально-предметная)	30
2.3. Книга в системе понятий «контекст», «текст», «метатекст».....	44
2.4. Книжное издание	54
2.5. Традиционная и электронная книга: векторы взаимодействия	56
Вопросы для самопроверки	61
Заключение	62
Библиографический список использованных источников	63

ВВЕДЕНИЕ

Курс «Общее книговедение» давно и закономерно включён в вузовские учебные планы и Государственные стандарты высшего книговедческого образования в области книжного дела, книгоиздательского, книготоргового, библиотечного и библиографического.

В начале XXI в. произошли значительные изменения в экономической и политической жизни страны, в общественном, групповом и индивидуальном сознании людей, в практике книжного дела, науке о книге, высшем образовании по направлению «Книжное дело», профессионально-производственной трактовке самих понятий «книга» и «книжное дело». Всё это сказалось при разработке Государственного образовательного стандарта по направлению «Книжное дело», при составлении примерной программы по дисциплине «Общее книговедение», а также нашло отражение в структуре и содержании данного учебного пособия.

Основная задача данного учебного пособия: помочь студентам осмыслить общетеоретическое книговедческое знание, владение которым позволит с чётких методологических позиций подходить к анализу, интерпретации и оценке любого явления книги, использовать понимание сущности книги как способа отражения и средства формирования индивидуального, группового и общественного сознания в своей последующей практической деятельности; научиться применять общекниговедческие методы исследования, опосредуя их спецификой той или иной книговедческой дисциплины или области книжного дела, при исследовании любых явлений книги или выборе оптимального способа действия в любой производственной ситуации.

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КНИГОВЕДЕНИЯ

1.1. Книговедение и его роль в историческом развитии науки о книге

Потребность в самостоятельной науке, которая охватывала бы все три области, возникает с XVIII в. К тому времени относятся работы, в которых авторы предлагают на роль науки книговедение. Его основателями были библиотекари.

Михаэль Дэнис (1729-1800) – австрийский поэт, хранитель Императорской придворной библиотеки в Вене, изложил свои теоретические взгляды в двух книгах: «Очерк библиографии» (1774) и «Введение в книговедение» (1777-1778). В книговедение он внёс библиографию, разделив её на «дипломатику», «типографику», «библиотековедение», «каталоги книг».

В 1797 г. министр внутренних дел Французской республики издал декрет, предписывающий читать учебные курсы библиографии в главных городах департаментов страны. Сохранились программы этих курсов, по ним можно судить о содержании предмета как оно понималось в те времена. В курс обычно включались: история рукописной книги (15 лекций), история книгопечатания (20 лекций), способы распознавания редких книг и их исправности и методы наилучшего использования книг или, говоря современным языком, воспитание культуры чтения.

XVII-XVIII вв. – время преимущественно французской мысли в этой области. Жак-Шарль Брюне (1780-1867) в 1809 г. выпустил «Руководство книготорговца и любителя книг». У Брюне было много последователей во Франции, Англии, Америке, Италии. Он относил библиографию в класс исторических наук и понимал её как «общие трактаты о книгах и библиотеках», включал туда историю книгопечатания, общую библиографию и т.д. С его точки зрения библиография включала в себя две другие дисциплины.

Ход мысли автора таков: «Вся мудрость человечества заключена в книгах». Книги собирают в библиотеки, там их описывают библиографы (библиография – книгоописание), следовательно, книговедение или библиография (эти два слова как синонимы употреблялись на протяжении двух веков) стала всё больше преобразовываться в науку наук. Его «Руководства книготорговца...» имеет второе заглавие: «...или Исследование о древних и современных библиотеках и о познании книг» (1800), то есть библиография – то же, что и история библиотек и книговедение.

Библиотекарь Центральной школы департамента Приморская Сена Этьенн Габриэль Пеньо (1767-1849) предложил термин «библиология» и в 1802-1804 гг. издал «Толковый словарь по библиологии». По его мнению, библиография занимается описанием и классификацией книг. Библиология выступает теорией библиографии и даёт анализ приведённых в систему человеческих знаний, их взаимоотношений, последовательности делений и т.д. Далее следует такое рассуждение: «Библиология ... углубляет все частности, касающиеся искусства слова, письма и типографии, и раскрывает летопись мира письменности, чтобы проследить шаг за шагом успехи человеческого разума».

В России идеи Пеньо в том, что библиология есть энциклопедия всей письменности, была воспринята библиографами В.С. Сопиковым и В.Г. Анастасевичем. Сопиков вошёл в историю как отец русской библиографии, хотя был работником Императорской публичной библиотеки, а до того – книгопродавцом, издателем (Вольтера, Монтескье, Марешаля), то есть воплощал в себе три специальности. В.Г. Анастасевич – журналист, издатель, опубликовал в журнале «Улей» классическую статью о библиографии, которую считают началом отечественного библиографоведения.

Во взглядах Пеньо их привлекал постулат о том, что библиология есть энциклопедия письменности и в неё включаются языкознание, дипломатика (наука в основном о юридических документах, об умении читать грамоты, идентифицировать их, определять подлинность доку-

ментов), книгопечатание, библиополистика или «книжная логистика», библиопея (искусство писания и состояния книг), всеобщая история письменности – наука о происхождении и развитии человеческих знаний (научных, философских, литературы, искусства, религии). К данной науке относятся все сведения об учреждении библиотек, музеев, сюда же включалась и собственно библиография, под которой понималось знание книг, их описание и классификация.

В.Г. Анастасевич полагал, что библиография – это наука о книгах, важнейшая отрасль человеческих познаний, заключающая в себе все прочие отрасли, так как они содержатся в книгах. Отсюда и берёт начало книговедение как составляющая трёх дисциплин как науки наук. Особенно привлекательной была мысль, которую предложили идеологи французского Просвещения: «библиография есть средство, позволяющее сделать наглядными и доступными успехи Просвещения».

Позицию В.Г. Анастасевича и В.С. Сопикова поддержали многие российские книговеды, и эти взгляды просуществовали до нашего времени. Когда за словом «библиография» осталось только одно значение, а именно книгописание, а для всех остальных аспектов было найдено слово «книговедение», то стала очень популярной точка зрения, что книговедение – общая наука для всего, что связано с книгой. Эта точка зрения является самой распространённой в книговедении. Логика такого решения особенно хорошо прослеживается у книговедов конца XIX – начала XX вв., у Н.М. Лисовского, М.Н. Куфаева и др. Поскольку книговедение имеет своим предметом книгу и всё, что с ней связано, то есть книгосоздание, книгораспространение, книгособирание, книгохранение, книгописание и книгоиспользование, то библиотечное дело и библиография являются небольшими составными частями книговедения.

Библиографоведы и библиотековеды с этим не спорят, но и не соглашаются, придерживаясь убеждения об автономности своих дисциплин.

К.М. Бэр создал в Библиотеке Петербургской академии наук фонд иностранной литературы, разработал собственную систему расстановки фонда. В отделе, который был назван им «Библиография и общая история литературы», состоящем из семи разделов, первый называется «Библиография». Далее раскрывается, что библиография – это библиотекведение и библиотеки, а также каталоги рукописей, печатных книг и т.д. То есть, с его точки зрения, библиография отчётливо включает в себя библиотекведение.

Среди других крупных библиографоведов можно выделить Б.С. Боднарского, понимавшего библиографию как науку о книге и выделявшего в её составе библиотеконию, которая изучает вопросы библиотечной техники (то есть библиотечную технологию). Библиотечные вопросы включались им в библиографию, равно как и все вопросы, связанные с книгой. Такое понимание казалось ему вполне естественным и органичным. Он был директором Всесоюзной книжной палаты, и то, что она регистрирует книжный поток, издаёт летописи, ведёт статистику печати, – во многом заслуга Б.С. Боднарского.

Библиотекведение в качестве вспомогательной книговедческой науки рассматривали книговеды Н.М. Лисовский, М.И. Щелкунов, А.М. Ловягин. Их позиция состоит в следующем: библиология (что можно перевести как «книговедение») включает в себя книгопроизводство, книгораспространение и книгоописание, а ведь последние две области относятся к библиотекведению, библиографии. Эти авторы подчёркивают, что для библиотекведения важное значение имеет техника библиотечной работы. Данную идею активнее других поддерживала Л.Б. Хавкина, но она считала, что ведущую роль в триаде играет библиотекведение, куда, с её точки зрения, следовало включить ещё четвёртый раздел – книгоиспользование.

Из советских библиотекведов книговедение как совокупность трёх наук понимал, разве что, один М.А. Годкевич (1896-1941). Его воззрения объясняются в значительной степени тем, что он руководил Книжной палатой (сначала на Украине, а затем в Москве).

Такая позиция просуществовала в книговедении приблизительно до середины 1960-х гг. Её разделял такой крупный деятель, как А.А. Сидоров (1891-1978), член-корреспондент Академии наук СССР, единственный в данной отрасли, кто имел это звание, классик искусства книги, много сделавший в последние годы для возрождения книговедения как науки (основал сборник «Книга: Исследования и материалы»), учёный, имевший немало последователей. Он пришёл к выводу, что библиотековедение перерастает границы книговедения и становится всё более самостоятельной наукой. Другой авторитетный книговед, Н.М. Сикорский (1919-1997), также придерживался данной точки зрения. Он подчёркивал автономность библиотековедения. Будучи директором Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, он часто делал доклады по библиотековедению и участвовал в дискуссии о соотношении трёх дисциплин. Сикорский был авторитетен и как библиотечный деятель, и как книговед, преподававший в Полиграфическом институте, а также как автор учебника по теории и практике редактирования.

Менее известна фигура Л.Г. Джахая. Он выпустил в 1969 г. в Сухуми монографию «Классификация наук как философская и науковедческая проблема». Тема эта была в то время очень актуальна потому, что на 1960-1970-е гг. приходится расцвет разработки Библиотечно-библиографической классификации. К участию в ней были привлечены специалисты из Академии наук (каждый в своей области), а общую концепцию разрабатывал Б.М. Кедров, чья деятельность была в основном связана с науковедением и классификацией наук. Л.Г. Джахая нашёл место книговедению в разряде прикладных наук (между государствоведением и грамматикой), оно должно было включать в себя полиграфию, библиотечное дело и библиографию. Логика Джахая становится ясной, если посмотреть наполнение им класса «Государствоведение»: политика, управленческое дело, судопроизводство, криминалистика, военное дело, архивное дело – а от него автор естественно переходит к библиотечному делу.

В Польше в 1971 г. вышла «Энциклопедия науки о книге», где дословно было сказано, что библиотековедение – один из разделов книговедения. Можно сослаться и на Яна Мушковского, у которого ещё в 1936 г. вышла научно-популярная работа «Жизнь книги». Она много раз переиздавалась и до 1970-х гг. включительно использовалась как университетский учебник. В ней написано, что книговедение – интегрированная наука о книге, в которую составной частью входит и библиотековедение. Его взгляды разделял К. Ламбевский – ещё один видный польский книговед и библиотековед.

Как часть книговедения библиотековедение рассматривается и в «Международном терминологическом словаре по информатике», выпущенном в 1975 г. в СССР. Взгляды учёных интересны тем, что к 1975 г., когда информатика укрепилась как научная дисциплина, соотношение библиотековедения и информатики уже было определено. Тем не менее информатики были убеждены, что библиотековедение вписывается в книговедение, а не в информатику.

Библиотековеды и библиографоведы на отнесение их научных дисциплин в область книговедения смотрели индифферентно. Последние были больше озабочены тем, является ли библиографоведение наукой, правомерно ли вводить такой термин, как отныне определять понятия библиографии в государственных стандартах и т.д. Сходная картина была в библиотековедении.

Книговеды, в свою очередь, пытались определиться с тем, что такое книговедение. В 1920-е гг. оно развивалось, главным образом, благодаря трудам М.Н. Куфаева (1888-1948), который расширил понятие «книга» и хотя не вводил термин «документ», но утверждал, что книгой может считаться любая зафиксированная человеческая мысль. С другой стороны, у него были очень сильны представления о книге как о некоем идеальном феномене, вследствие чего его заклеямили как идеалиста, уводящего науку в неверном направлении. В 1930-е гг. позиция Куфаева подверглась жестокой критике на одном из совещаний, где в резолюции было записано, что нужно строить книговедение на

марксистско-ленинской основе и радикально пересмотреть его статус. Но вместо выполнения этой резолюции книговедение просто запретили, дискредитировав самых крупных его представителей. Были закрыты институты (НИИ книги, документа и письма и другие книговедческие учреждения, довольно авторитетные, выпускавшие книговедческие журналы). В послевоенные годы, когда началась кампания против космополитизма, вернулись к этому вопросу ещё раз. Г.П. Фонов объявил книговедение лженаукой и вплоть до 1950-х гг. оно замерло в нашей стране в отличие от других стран, включая страны народной демократии.

1.2. Книговедение как комплексная наука

Когда в 1950-е гг. такие активные детали, как А.А. Сидоров, Н.М. Сикорский, Е.Л. Немировский и ряд других, подняли вопрос о том, что книговедение нужно восстановить в правах, началась дискуссия о предмете книговедения и его научном статусе. В итоге по инициативе данных ученых и при поддержке других книговедов, в частности И.Е. Баренбаума, была принята следующая формула: книговедение – комплексная наука о книге и книжном деле.

Сегодня книговеды полагают, что книговедение не то чтобы общая наука для библиотековедения и библиографии, а что существует комплекс наук о книге, который включает в себя все три дисциплины, и вместе с тем каждой даётся право на автономное существование. О том, что эта точка зрения наиболее авторитетна в книговедении, свидетельствует факт, что именно так определяется книговедение в энциклопедическом словаре «Книговедение» и в энциклопедии «Книга».

Позиция эта уязвима, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, книговедение объявляется одновременно наукой комплексной, то есть механической суммой самостоятельных, хотя и родственных дисциплин, и «единой целостной», то есть интегрированной. Именно так считал, например, А.И. Барсук. Книговедение у него – наука комплексная, но библиография и библиотековедение – частные книговед-

ческие дисциплины. Для автора «самоочевидно, что специалисты в области библиографии (как и в области библиотековедения, истории книги и т.д.) являются книговедами, а значит соответственно докторами или кандидатами книговедения, не филологии или педагогики». Практическое отражение эта концепция комплексности нашла в классификации литературы Всесоюзной книжной палаты, действующей с 1966 г. Её 30-й класс называется «Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография» (характерно, что он противостоит классу «Культура. Просвещение. Наука»). В 1968 г. была принята «Единая схема классификации литературы в книготорговой сети» (ЕСКЛ), в ней выделен большой класс «Культура. Наука. Просвещение», а в нём подкласс «Печать. Издательское дело. Книжная торговля. Библиотечное дело. Библиография».

Слово «комплекс» означает не эмерджентную, но аддитивную систему, или, иначе говоря, механически соединенные между собой родственные дисциплины.

Признание комплекса трёх равных наук означает, что у них нет общего ядра, то есть вопрос об их соотношении не решён. Такой выход их положения можно назвать паллиативным, полумерой.

Разрешить возникшую проблему взялась А.А. Беловицкая, посвятившая её рассмотрению главу в учебнике «Общее книговедение» (М.: Книга, 1987. С. 96-121). Концепцию комплексности науки о книге она охарактеризовала как «доведённую до уровня обоснованной, непротиворечивой и систематически изложенной методологии книговедения». Согласно этой концепции наблюдается тенденция дифференциации и пересечения наук. Автор связывает эту концепцию с именем Н.М. Сикорского и Е.Л. Немировского. А.А. Беловицкая относится к этой концепции негативно, полагая, что договорённость о круге вопросов, подлежащих совокупному рассмотрению книговедения с отдельными дисциплинами книговедческого цикла, «всегда будет субъективной и лишь случайно может привести к выявлению истинной структуры книговедения».

Альтернативной идее пересекающихся дисциплин она посчитала постулат о «диалектическом единстве книговедческих дисциплин», описываемом в понятиях системного подхода. Однако примеров проявления этого единства автор избегает. Главное же состоит в том, что в конечном счёте единство этих дисциплин, согласно позиции А.А. Беловицкой, проявляется в общем для них методологическом разделе, который в науке о книге называется общим книговедением. Его содержание составляют: история книговедения, система книговедческого знания, книговедческий метод, взаимодействие книговедения со смежными дисциплинами – преимущественно с читателеведением, искусством книги и статистической печати. А в системе специально-книговедческого знания автор выделяет: «книгоиздательское, книготорговое, библиотечное, библиографическое знания, теоретически отражающие наиболее общие формы книги и соответствующие способы их существования: книгоиздательский репертуар – книгоиздательское дело; книготорговый ассортимент – книготорговое дело; библиотечный фонд – библиотечное дело; библиографическая информация – библиографическое дело». Иными словами, перед нами классическая концепция поглощения книговедением библиотековедения и библиографоведения.

1.3. Первоначальные этапы развития науки о книге в России

Первым теоретиком книговедения считают основоположника австрийской библиографии Михаэля Дениса (1729-1800). Ему принадлежит первая книговедческая работа, которую он объединил со своей монографией «Очерк истории литературы» (1776) и в 1777-1778 гг. издал под общим названием «Введение в книговедение». Именно в названии этого труда впервые появляется термин «книговедение».

Расширенное толкование библиографии и отождествление содержания понятий «библиография» и «книговедение» (библиология) надолго стало традиционным для практической книговедческой деятельности и книговедческих научных работ. Специальное изучение книги в

России началось в середине XVIII в. Оно было подготовлено и стимулировано началом гражданского книгопечатания, издательской и библиографической деятельностью Академии наук, интенсивным развитием гуманитарных наук и, особенно, литературоведения и языкознания.

Первым профессиональным русским книговедом следует считать Андрея Ивановича Богданова (1696-1766), с именем которого связаны самые ранние опыты составления репертуара русской книги, разысканий в области истории книговедения в России, истории книжной культуры. Основной труд А.И. Богданова «Краткое сведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов...» (1755) содержит материал по истории отечественного просвещения, истории книгоиздательского дела, перечень и описание типографий. В библиографическом списке печатные книги систематизированы не по алфавиту имён авторов или заглавий, а по типографиям, т.е. по книговедческому признаку. Этим подтверждается историко-культурный подход А.И. Богданова к книге и библиографии, принцип изучения истории русского просвещения. Термины «библиография» и «книговедение» в его трудах ещё не встречаются.

Теоретические книговедческие построения впервые появляются в работах крупнейших русских книговедов и библиографов В.С. Сопикова и В.Г. Анастасевича. В «Предуведомлении» к «Опыту Российской библиографии...» В.С. Сопиков первым указал на общественное, пропагандистское, просветительское назначение библиографии и трактовал содержание и задачи её так широко, что термином «библиография» обозначал те отрасли знания, совокупность которых в современной терминологии можно определить словом «книговедение». Отражая объективный процесс дифференциации научных знаний, В.С. Сопиков назвал те из них, которые, по его мнению, должны входить в круг интересов библиографа: «Историю книгопечатания, славных типографщиков, издателей и все производство типографическое, <...> обстоятельное сведение о полезных, редких и любопытных книгах не по одним только их заглавиям и формату, но и по их содержанию». В этом

же «Предуведомлении» В.С. Сопиков раскрывает содержание понятий «библиография», «библиоман», «библиограф», «библиотекарь». Важными для библиографа В.С. Сопиков считал книгопродавческие (книготорговые) факты и сведения. Иными словами, В.С. Сопиков, конструируя совокупное знание о книге, перечисляет библиографию, историю книги, историю книгопечатания и типографского дела, библиотечное дело, библиофилию, книжную торговлю. По сути дела, это была первая попытка создания системы о науке и книге, хотя, конечно, глубоких разработок её у В.С. Сопикова не было, как не встречается у него и само слово «книговедение».

В терминологический книговедческий обиход его ввёл В.Г. Анастасевич. Правда, в статье, которая называлась «О необходимости в действии русскому книговедению», оно использовалось применительно к библиографии журнальных статей. А вот в статье «О библиографии» содержались книговедческие в сегодняшнем понимании этого слова рассуждения. Особенно важно то, что В.Г. Анастасевич отчётливо обозначает различие между практикой и теорией библиографии. Если В.С. Сопиков перечислил несколько эмпирических областей знания, относящихся к книговедческому кругу, то В.Г. Анастасевич называл, выражаясь современным языком, синтезирующую, интегрирующую по отношению к ним науку – «вышнюю библиографию», или «библиологию» («книговедение»): «Доселе мы говорили о библиографии со стороны её практики В заключении почитаем нужным упомянуть о её теории, или библиологии (книгословии). Сию можно почесть философию первой ... или вышнюю библиографию» (А.А. Беловицкая. Книговедение. Общее книговедение).

В продолжение всего XIX в. и даже в начале XX в. понятия «библиография» и «книговедение» чаще всего отождествлялись. Наряду со словом «книговедение» бытовали «библиология», «библиогнозия». Это объясняется тем, что основные книговедческие исследования велись преимущественно на эмпирическом уровне в области истории

библиографии и истории книги; последняя, в свою очередь, базировалась на библиографических разысканиях.

Вместе с тем необходимо отметить, что теоретические взгляды В.Г. Анастасевича, различавшего библиографическую практику и теорию библиографии, получили дальнейшее развитие в представлениях и высказываниях позднейших библиографов, считавших библиографию как область практической деятельности, так и теоретической дисциплиной. Известный русский библиограф Г.Н. Геннади (1826-1880) писал: «Библиография, как всякая наука, в практическом приложении своём должна соотноситься с потребностями общества; тогда она получит живучесть науки даже в стенах и за прилавком книжного магазина, который сам почувствует пользу от этого живого соприкосновения с теорией» (Ельников, М.П. Книговедение в прошлом, будущем или нигде). Его современник М.Л. Михайлов считал, что «...библиография не есть искусство составления каталогов, как думают некоторые, а наука, занимающая почётное место в ряду человеческих знаний» (Ельников, М.П. Книговедение в прошлом, будущем или нигде).

Во второй половине XIX в. возрастают масштабы книгоиздательской, книготорговой, библиотечной, библиографической деятельности, идёт процесс дифференциации этих отраслей книжного дела. Расширяется деятельность библиографических комиссий С.-Петербурга, Московского и Киевского комитетов грамотности по разработке рекомендательной библиографии. Возрастает роль библиографии в просветительской деятельности и шире – в общественной и культурной жизни. Накапливаются результаты исследований и публикации по истории книги, истории библиографии. Очевидной становится тенденция к обособлению таких книговедческих дисциплин как библиография, библиотековедение, история книги. Всё это предопределило необходимость и возможность создания профессиональных книговедческих обществ и организаций.

В библиографической периодике тех лет в журналах «Российская библиография», «Библиограф» – появились статьи, в которых обсуж-

дался вопрос о необходимости учреждения библиографического общества. Первыми русскими книговедческими организациями стали Русское библиографическое общество и Русское библиологическое общество. Возникновение их знаменовало собой выход книговедения на новый исторический уровень развития.

1.4. Деятельность русского библиографического общества (1889-1930)

Свою деятельность Общество начало в 1889 г. как Московский библиографический кружок, а с 1900 по 1930 гг. продолжало существовать как Русское библиографическое общество при Московском университете. В центре внимания Общества были проблемы истории, теории, методики и организации библиографического и, шире, книжного дела. Организатором и первым представителем кружка был известный впоследствии библиографовед А. Д. Топоров (1851-1927). В его трудах основное внимание было уделено проблемам упорядочения государственной регистрации, произведений печати. Активнейшим деятелем кружка и Общества был Б. С. Боднарский (1874-1968). Он вошёл в историю отечественного книговедения как крупнейший теоретик и практик библиографии, основной областью занятий которого были проблемы выявления сущности, содержания, структуры библиографии, соотношения её со смежными областями знаний, обоснование и разработка библиографической классификации, внедрение международной десятичной классификации в практику библиографического дела. Б. С. Боднарский был бессменным редактором первого русского книговедческого журнала «Библиографические известия» (1913-1927, 1929), от начала и до последнего номера выдержавшего свою программу, не «разбавлявшего» своих материалов историко-литературными материалами.

Несмотря на своё «библиографическое» название, журнал отличался широкой книговедческой тематикой. В 64 номерах (26 книг) «Библиографических известий» было опубликовано около 100 статей. Более

половины из них представляли собой доклады, прочитанные на заседаниях Русского библиографического общества. Среди публикаций журнала – статьи по общей теории книговедения, истории книги, истории, теории, методике и организации собственно библиографии, по библиотековедению, издательскому делу, журналистике. На страницах журнала появилось большее число персоналий деятелей книги. Кроме статей «Библиографические известия» помещали материалы других жанров – обзоры, хронику, рецензии, библиографические списки под названием «Библиография русской библиографии». Группировка материалов отражала принятое журналом представление о составе книговедческого знания. Выделялись разделы:

- Прологомены (Общий раздел).
- Печать и цензура.
- Общая библиография.
- Библиология (Теория библиографии).
- Индивидуальная библиография.
- Коллективная библиография.
- Журнальная библиография.
- Национальная библиография.
- Специальная библиография.
- Каталоги библиотек и книжных магазинов.
- Библиотековедение.
- Библиотекография.
- Руководство чтением.
- Библиофилия.
- Книжное дело.
- Общие сочинения.
- Книгопечатание и книжная торговля.

Содержание публикаций журнала отражало реальные процессы, происходившие в отечественной науке о книге. К сотрудничеству в журнале были привлечены книговеды, которых сегодня мы называем в числе первых деятелей советской науки о книге: Н.М. Лисовский, А.М.

Ловягин, М.Н. Куфаев, А.Г. Фомин, С.А. Венгеров, И.В. Владиславлев, К.Н. Дерунов, А.В. Мезьер, Н.А. Рубакин, П.К. Симони, А.Д. Торопов, А.А. Сидоров, Н.Ю. Ульянинский и др. Именно журнал объединил их усилия в разработке теоретических, исторических, методических вопросов книговедения. Наибольшее количество статей было посвящено, естественно, истории, теории, методике и организации библиографии; общей теории книговедения – 7 статей. Содержание этих статей исторически точно соответствует основной проблематике общей теории книговедения в первые два десятилетия XX в.: соотношение объёмов понятий «библиография» – «книговедение» – «библиология» и определение состава книговедения, т.е. важнейшие методологические проблемы. Первая была наиболее актуальной для книговедения предреволюционных лет; вторая – для первых лет становления советской науки о книге.

В теоретических публикациях «Библиографических известий» противоборствовали две точки зрения на библиографию и книговедение. Одна традиционно отождествляла эти два понятия. Б.С. Боднарский придерживался её особенно последовательно и считал, что только недостаточная развитость библиографии мешает ей «служить синтезом книжной мысли во всех её проявлениях». Аналогичную позицию в самом начале века занимали и такие известные впоследствии теоретики книговедения, как Н.М. Лисовский и А.М. Ловягин. Объясняется это, с одной стороны, отсутствием общей теории книговедения и теории отдельных книговедческих дисциплин, а с другой – обретением теоретического содержания подмены слов. По словообразовательной традиции библиография есть книгоописание, практика (по аналогии с географией – землеписанием); библиология есть изучение этой практики, наука об этой практике; термины «книговедение» и «библиология» существовали тогда как синонимы. Следовательно, если заменить термин «библиология» русским эквивалентом, получится: книговедение есть теория библиографии. И наоборот: теория библиографии есть книговедение.

Согласно другой концепции общей наукой о книге выступало библиотекведение, которое включает в себя всю совокупность знаний о книге. Эта точка зрения особенно распространилась после перевода с немецкого на русский язык книги Ф. Эйхлера, который определял библиотекведение как «исследование литературных памятников, условий и истории их возникновения. Распространения и эксплуатации». Подобную позицию разделяли и развивали многие русские библиотековеды того времени. Книговеды-теоретики, напротив, библиотекведение считали чисто практикой, прикладной областью книжной деятельности, связанной с «устройством библиотек». Однако очевидно, что разнообразные сведения, ранее установленные эмпирические факты, теоретические и методологические знания из разных областей книговедения не вмещались только в библиографию или только в библиотекведение.

Объективно необходимым становится обоснование общей теории, которая систематизировала бы все накопленные знания о книге. И ещё: в конце XIX в. понятие «книговедение» наполнилось иным содержанием, обусловленным исторически закономерным процессом дифференциации областей книжного дела и книговедческих знаний, теоретическим обособлением отдельных книговедческих дисциплин в границах постепенного формирования единой науки о книге, где библиография и библиотекведение существуют как равноценные составные части наряду с другими специальными книговедческими дисциплинами.

1.5. Книговедческая деятельность Н.М. Лисовского

Разграничил содержание понятий «книговедение» и «библиография» и снова после В.Г. Анастасевича ввёл в специальную терминологию слово «книговедение» для обозначения общей науки о книге. Николай Михайлович Лисовский (1854-1920) – крупнейший отечественный библиограф, составитель фундаментального библиографического указателя русской периодической печати, до сих пор не утратившего своей ценности, издатель и редактор журнала «Библиограф», видный

деятель Русского библиографического общества, пионер академического преподавания книговедения в Петроградском и Московском университетах. Главная заслуга Н.М. Лисовского в создании теории ещё в восьмидесятые годы XIX в., в 1913 г. он предложил первую принципиальную схему науки о книге.

В 1891 г. в статье «Материалы для словаря русского книговедения» Н.М. Лисовский писал: «Под книговедением, кроме библиографии, в собственном смысле, можно разуметь и все те отрасли деятельности, которые имеют к ней хоть какое-либо отношение:

1. а) книгописание до введения в России книгопечатания;

б) книгопечатание и известия о деятельности типографий.

2. Книгоиздательство, а также вопросы о праве собственности на произведения литературные и художественные.

3. Книгоописание, или библиография в собственном смысле: разыскания о книгах; описание их частное или общее; составление каталогов или указаний.

4. Книгохранение: библиофильство, собрание книг и рукописей, библиотечное дело; архивоведение.

5. Книжная торговля.

6. Цензура».

В этом перечислении нет разделения «дела» и «ведения», практики и теории, однако названы все сферы книжного дела. Н.М. Лисовский здесь же впервые намечает структуру научного знания о книге: «Все эти отрасли книговедения имеют своё прошлое, следовательно, имеют свою историю... У многих из них есть своя теория, т.е. принципы, направляющие их деятельность. Наконец, почти всем им принадлежит практика, или, так сказать, современная текущая деятельность. Сообразно с этим различные отрасли книговедения могут быть изучены со стороны исторической, теоретической и практической».

В лекции, прочитанной для студентов Петербургского университета в 1913 г., Н.М. Лисовский предлагает усовершенствованный вариант принципиальной схемы книговедения, которой суждена была долгая и

плодотворная жизнь в последующих теоретических разработках вплоть до наших дней. Схема представляла собой триединство: книгопроизводство – книгораспространение – книгоописание. К этим трём основным прибавлены ещё разделы: журнализм, законы и печати, книжная статистика. Нетрудно заметить, что в схеме, по сути дела, перечислены основные отрасли книжного дела, а не научные дисциплины. Одним из теоретических недостатков концепции Н.М. Лисовского было именно неразделение практической деятельности и науки, хотя в то время более или менее отчётливо такое разделение было осознано для «библиотечной техники» и библиотековедения, для библиографической практики и её теоретического обоснования (в библиографических указателях и теоретических статьях самого Н.М. Лисовского).

Подобный технологический подход к конструированию состава книговедения обусловлен тем, как Н.М. Лисовский определяет книгу. Это предметное, внешнее определение: «Соединение листов писчего материала, на котором воспроизведён текст, предназначенный к распространению в удобопереносимой форме». Предметом книговедения Н.М. Лисовский считал выяснение «условий возникновения, распространения и эксплуатации произведений письменности и печати», а также «выяснение причин и следствий количественного состава этих произведений при различных обстоятельствах». Сохранившиеся рукописи лекций Н.М. Лисовского показывают, что он продолжал углублять и совершенствовать свои разработки. Недостаточность внешнего, формального определения предмета книговедения как задачи выявления лишь количественного изменения репертуара изданий, очевидно, не удовлетворяла и самого учёного. В 1916 г., перерабатывая лекции, Н.М. Лисовский дал более общую формулировку предмета: «Книговедение есть научная дисциплина, которая на почве объединения различных познаний о книге изучает её эволюцию во всех отношениях», хотя и не раскрыл, в каких именно «всех отношениях» следует изучать книгу.

Продолжая читать лекции и готовя в 1919 г. программу курса для Московского университета, Н.М. Лисовский приходит к выводу о необходимости выявления того, что должно объединять все «касающиеся книги познания» в единую науку. В курсе лекций появляется раздел, который назван «Философией книговедения». Сегодня мы назвали бы его общим книговедением. Задачи этого раздела Н.М. Лисовский определял следующим образом: «Установление внутренней связи отдельных отраслей знания, касающегося книги и книжного дела; влияние их друг на друга; выявление эволюции книги и книжного дела в качественном и количественном отношении с применением различных методов исследования (преимущественно статистико-библиографического); общие выводы об успехах книжности и книжного дела; задачи книжного дела в будущем» (Беловицкая, А.А. Книговедение. Общее книговедение).

Вывод Н.М. Лисовского о том, что объединяющим началом для разнообразных книговедческих дисциплин должно быть единство методологии, оказался весьма продуктивным для дальнейшего развития науки о книге. Концепция и разработки Н.М. Лисовского были качественно новым шагом в поступательном развитии отечественного книговедения. В трудах учёного впервые были поставлены общеметодологические проблемы науки о книге: объекта, предмета, методов, состава, структуры. Степень разработанности именно этих проблем характеризует меру самостоятельности любой науки.

Несмотря на историческую ограниченность теоретических установок Н.М. Лисовского, последующие книговеды-теоретики вплоть до наших дней опирались на предложенную им схему, детализируя её, внося методологические коррективы. Трудami Н.М. Лисовского была начата фундаментальная разработка общей теории книговедения.

1.6. Русское библиографическое общество (1899-1931)

Инициатором создания Общества, первым и многолетним его президентом был Л.М. Ловягин, крупнейший русский и советский книговед-теоретик. В уставе Общества задачи этой организации были опре-

делены как «содействие объединению работающих по вопросам книговедения и теоретической выработки и практическому применению ряда мер для облегчения обозрения всех родов литературных произведений, а также изучение книжного дела в его прошлом и настоящем». Общество объединяло в своих рядах библиографов, библиотековедов, историков, литературоведов, библиофилов Петербурга. Из книговедов разных специализаций активными деятелями Общества были Н.М. Лисовский (почётный член), М.Н. Куфаев, А.В. Мезьер, А.И. Малейн, П.К. Симони, А.Г. Фомин (президент общества с 1927 по 1931гг.), А.Д. Торопов, К.Н. Дерунов, Б.С. Боднарский (почётный член), У.Г. Иваск и др. Среди членов Общества были также ныне всем известные литературоведы, филологи, историки: С.А. Венгеров, Н.П. Лихачёв, С.Ф. Ольденбург, Н.К. Пиксанов, С.М. Бонди и др.

Деятельность Общества отличалась разнообразием тематики и осуществлялась по двум основным направлениям. Одно можно назвать библиологическим, другое – историко-литературным. Балансирование между книговедением и историей литературы было предопределено начальными установками Общества, которые потом пришлось преодолевать.

Разнообразие тематики привело к группировке членов Общества в секции и комиссии. Две из них были книговедческими. Секцию книговедения и печатного дела возглавлял Н.М. Лисовский, секцию библиотековедения Э.А. Вольтер. Последняя была настолько определённой в своей деятельности и популярной, что в 1907 г. была преобразована в самостоятельное «Общество библиотековедения». Кроме этих двух секций, оправдывавших название всего общества, существовали ещё историческая, историко-литературная, филологическая, археологическая, историко-географическая.

Основными формами деятельности Русского библиографического общества были регулярные заседания и общие собрания с заслушиванием докладов (всего около 300), подготовка и выпуск собственных изданий, участие в проведении литературных юбилеев (Н.А. Некрасо-

ва, Ф.М. Достоевского), других юбилейных мероприятий, например, 200-летнего юбилея русской периодической печати. Большую работу Общество осуществляло в деле собирания библиографических материалов о деятелях книги, в подготовке мемориальных заседаний, посвящённых памяти или деятельности библиографов, библиотекаев, библиофилов, филологов, историков.

Общество организовало «Библиографическое справочное бюро», в задачу которого входила выдача справок как членам Общества, так и другим организациям и частным лицам. Начала осуществляться ещё одна практическая библиографическая идея – создание карточного библиографического указателя ко всем русским журналам. Естественно, что немногочисленная группа членов Общества не могла справиться с такой огромной работой даже частично. Во всех библиографических работах и начинаниях Общество ставило задачу совершенствования классификации и регистрации изданий и стремилось даже историко-литературные разыскания вести не столько в литературоведческом, сколько в библиографическом плане, сохраняя свой статус книговедческой организации.

Результаты деятельности Общества находили отражение в его изданиях. В первые годы существования Общества выходили «Отчёты Русского библиографического общества», которые составлял сам А.М. Ловягин. В 1901-1904 гг. основным печатным органом Общества стал «Литературный вестник», имевший литературоведческий характер. С 1908 по 1917 гг. вышло 4 выпуска «Докладов и отчётов» Русского библиографического общества (Новая серия). Издание имело книговедческий характер; в нём печатались наиболее интересные доклады, выдержки из протоколов заседаний Общества с названиями всех докладов, иконографический (изобразительный) материал, отчёты правления Общества. В 1915-1916 гг. и в 1918 г. Общество издало также «Библиологический сборник», в котором материалы были организованы по тематическому принципу. Наиболее интересными представляются два выпуска: в одном содержатся достаточно подробные сведе-

ния о книговедческих организациях и обществах в России; во втором – книговедческие работы А.М. Ловягина.

Комиссия по описанию журналов XIX в. издала «Литературно-исторический сборник» под редакцией Л.К. Ильинского. В 1922 г. совместно с Петроградским (с 1924 г. – Ленинградским) обществом библиофилов Русское библиографическое общество выпустило три номера журнала «Библиографические листы», которые, однако, не содержали существенных материалов, интересных в книговедческом плане.

Деятельность Общества и издаваемая им специальная литература, несомненно, способствовали повышению популярности и общественной значимости книговедения, укреплению престижа новой области знания.

Вопросы для самопроверки

1. Первоначальные этапы развития отечественной науки о книге (А.И. Богданов, В.С. Сопиков, В.Г. Анастасевич).
2. Первые отечественные книговедческие общества конца XIX-XX вв. и основные направления их деятельности.
3. Вопросы теории книговедения на страницах журнала «Библиографические известия».
4. Основные формы деятельности Русского библиографического общества.
5. Научная проблематика отечественного книговедения начала XX века.
6. Н.М. Лисовский – первый систематик науки о книге. Содержательное наполнение книговедения.
7. Методологические итоги развития отечественного книговедения в дореволюционный период.

Глава 2. КНИГА И КНИГОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ СМЕЖНЫХ НАУК

2.1. Определение понятия «книга»

Определение термина «книга» принадлежит к самым сложным теоретическим проблемам книговедения, так как именно от него многое зависит в нашем подходе к изучению книги и её практическому использованию. Несмотря на то, что к определению понятия «книга» приступили, наверное, со времени её появления, на сегодняшний день не существует единого обобщающего и общепризнанного определения этого понятия.

Сложность определения книги обусловлена, прежде всего, трудностью её как общественного явления, многогранностью и многоаспектностью её социальных связей. Охватить и отразить всё это в одном лаконичном определении – задача чрезвычайно сложная и пока что невыполнимая.

Ряд специалистов вообще высказывают предположение о невозможности дать единое, исчерпывающее определение книги. Так, автор сенсационной в своё время книги «Революция в мире книг» Р. Эскарпи писал: «Как и всё живое, книга не вкладывается в жёсткие рамки определений. Во всяком случае ещё никому не удалось дать ей точное и стабильное определение».

Ещё решительнее высказался А.И. Барсук в своей статье «К определению понятия "книга"». Он, в частности, писал, что вдумчивый и серьёзный анализ старых и новых определений книги приводит к выводу: во-первых, о многоаспектности, многофункциональности и универсальности этого продукта духовной и материальной культуры, и, во-вторых, о принципиальной невозможности всеохватывающего определения книги, которое включает все стороны этого явления и возможные подходы к нему.

Однако большинство книговедов не теряли надежды на возможность определения понятия «книги», если не сейчас, то в будущем.

Так, А.Я. Черняк в статье «Ещё раз об определении понятия "книга"» как промежуточный вариант предложил разделить определение книги на две части: формальную и функциональную. И даёт следующее определение: «Книга – средство семантической информации, произведение письменности или печати, представляющее общественный интерес».

Функциональный подход превалирует во многих определениях книги, в том числе и в энциклопедическом словаре «Книговедение»: «Книга – важнейшее средство информации, орудие политической и идеологической борьбы, распространения знаний, образования и воспитания».

Здесь слишком много от классово-партийного подхода к определению книги и нет её характеристики как материального носителя информации. Хотя и с материальной стороной необходимо быть осторожным, чтобы не рассматривать книгу лишь как форму, как знаковую систему вне её содержания.

Формальный подход к определению книги проявила ЮНЕСКО, которая в 1964 г. в «Рекомендациях по международной стандартизации статистики выпуска книг и периодических изданий» предложила следующее определение книги: «Книга – печатное неперIODическое издание объёмом не менее 49 страниц, не считая обложки».

Здесь принято во внимание лишь два признака книги: неперIODичность и объём. Этого оказалось достаточно, чтобы отличить книгу от не книжного издания. А если учесть, что ЮНЕСКО предложила и определение брошюры («печатное неперIODическое издание объёмом не меньше 5, но не более 48 страниц, не считая обложки»), то данное определение необходимо признать существенным шагом вперёд, хотя оно и было предложено как «временное».

В 1928 г. в Киеве вышла книга В.И. Яновского «О книге: опыт анализа понятия "книга"», в которой была собрана и проанализирована 51 дефиниция, ни одна из которых не была признана удовлетворительной. На сегодня количество определений книги возросло как минимум в

три раза. Если провести их классификацию, то все они могут быть объединены в три группы: определение книги даётся по внешним, формальным признакам; в определении книги превалирует её содержание и отбрасываются внешние признаки; в определении книги стремятся объединить внешние признаки книги и её содержание.

Примером третьего варианта может быть определение, предложенное в своё время А.Э. Иоффе: «Книга – документально зафиксированная семантическая информация, существующая в виде текстового сообщения или изображения, функционирует в обществе в исторически обусловленной форме структурно организованного (упорядоченного) и пространственно развёрнутого произведения письменности или печати».

Здесь, казалось бы, о книге всё сказано, но тяжеловесно и многословно. Не хватает лаконичности, обязательного условия для определения любых процессов и явлений. Соединить внешние признаки книги с её внутренним содержанием оказалось самой сложной задачей. Ближе всего к её решению, как нам кажется, подошёл Е.Л. Немировский в определении книги, данной в энциклопедии «Книга»: «Важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстрированного материала».

Предыдущий опыт определения понятия «книга» должен убедить нас в необходимости отказаться от попытки отразить в нём всё многообразие её социальных (образовательных, научных, культурных) значений и стремиться лишь представить книгу как одновременный продукт духовной и материальной деятельности человека и указать признаки, отделяющие книгу от не книжных изданий.

Исходя из этого и учитывая предыдущий опыт, предлагаем следующее определение: «Книга – исторически сложившаяся форма блоккодекса непериодического издания объёмом больше трёх печатных листов (или 105 Кб) для закрепления, хранения и передачи информации во времени и пространстве».

Вполне осознавая возможное и неизбежное несовершенство предлагаемого определения, всё же выносим его на всеобщее обсуждение лишь для того, чтобы привлечь внимание специалистов к столь важной проблеме, интерес к которой периодически угасает из-за её якобы неразрешимости, и тем самым сделать определённые шаги к её разрешению.

Сформулировав приемлемое для большинства специалистов определение «книги» как исходной дефиниции книжного дела и его научных дисциплин, мы, вне всякого сомнения, намного ближе подойдём к однозначному определению книговедения как комплексной науки о книге и книжном деле.

2.2. Книга и информация: социальная, семантическая, семиотическая, материально-предметная

Выявляя сущность книги методом восхождения от абстрактного к конкретному (т.е. от самых простых субстанциальных смыслов-признаков к целостному содержанию базовой книговедческой категории «книга» как системы необходимых и достаточных смыслов), необходимо последовательно и непротиворечиво ответить на вопросы: что есть информация, какие этапы единого информационного процесса и какие формы информации предшествуют книге, на каком из этапов книга становится способом и одной из форм (и какой именно!) существования, движения и развития социальной информации в индивидуальном, групповом и общественном сознании.

На самом деле вопросы, касающиеся сущности информации, процессов и форм, в которых её сущность проявляется, лежат вне предмета книговедения. Книговедение должно было бы опереться на корректную их интерпретацию и заниматься только книгой. Но отсутствие общей теории информации заставляет методологию книговедения углубиться в их рассмотрение несмотря на то, что публикаций на тему информации к настоящему времени накопилось великое множество. В нескольких обзорно-аналитических работах есть целые подборки оп-

ределений информации. Их совокупность отражает смысловой разброс определений информации от обыденных до философских через специально-дисциплинарные и общенаучные и демонстрирует различные подходы, способы полагания, трактовки, понимания информации как феномена, как объективного явления бытия и как категории, т.е. системы смыслов.

Все подходы к рассмотрению содержания понятия «информация» можно разделить на несколько групп: этимологический; специально-научный, т.е. трактовка смысла понятия «информация» в предмете той или иной научной дисциплины (в основном в предмете естественно-научных и технических дисциплин); общенаучный; философский.

Этимологический подход базируется на трактовке слова «информация». *Informo* (-atum, -are) в переводе с латинского означает придавать вид, давать форму, образовывать; *informatio* означает представление, понятие о чём-либо. Базовое слово «информация» этимологически связано с понятием «форма»; *in form* – значит в «форме». Это очень важно подчеркнуть здесь, потому что во многих научных работах рассуждения об информации начинаются, сколь ни странно, с произвольного перевода этого слова как сообщения, осведомления о положении дел, сведений о чём-либо.

Приведём несколько этимологических трактовок информации. Информация есть знания, переданные кем-то другим или приобретённые путём собственного исследования или изучения. Информация в обыденном смысле – это сведения, известия; в научно-технических приложениях – то, что имеет на себе сигнал. Информация есть знание о каком-то особом событии, случае или о чём-либо подобном. Информацией являются все данные о внешнем мире, которые мы получаем как путём непосредственного воздействия на наши органы чувств окружающих предметов и явлений, так и опосредованным путём – через книги, газеты, рассказы других людей. Информация – это сведения, содержащиеся в данном сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки.

Развитие этого подхода привело к тому, что в обыденной речи словом «информация» мы называем всё, чему не можем дать конкретное название, имя. Много лет назад известный отечественный философ П. Копнин по этому поводу писал: «... не успела возникнуть новая область знания – кибернетика, как её метод и язык, в частности понятие информации, стали применяться всюду, иногда, правда, без особой необходимости, а ради кокетства и дани моде». И применительно к книге очень распространены высказывания типа «книга – источник информации, носитель информации, содержит информацию, служит для хранения и передачи информации». Приблизительность, необязательность, неадекватность подобных выражений очевидна, хотя ничего неправильного в них нет.

Второй подход – социально-научный, опирающийся на этимологический. Развитие его связано с именем К. Шеннона, который первый применил слово «информация» в качестве научного понятия в кибернетике, изучающей общие закономерности процессов управления, регуляции и связи в организованных системах. Словом «информация» он называет сообщение, уменьшающее неопределённость (энтропию) у получателя сообщения, и обозначает им меру организации системы, состоящей из совокупности сигналов (символов), передаваемых по каналу связи в единицу времени. Количество их может быть вычислено по формуле, которую предложил К. Шеннон. Измеряется битами (бит – двоичный знак «0» или «1»), используемыми в вычислительной технике для внутримашинного представления знаков, чисел, символов, команд. Битом называется наименьшая «порция» памяти в любой двоичной системе, а следовательно и наименьшая «порция» информации (сигналов) в кибернетической теории К. Шеннона. Значит, здесь информация есть количество сигналов, передаваемых по каналу связи в единицу времени.

Количественную теорию К. Шеннона стали называть «классической теорией информации». Но она по определению безразлична к содержанию, семантике переданных сигналов. В ней, к примеру, равнознач-

ными будут сигналы «адмирал» и «ермолка», потому что количество символов в них одинаковое.

Именно поэтому автор одного из первых советских учебников по информатике и вовсе утверждал: «Как это ни парадоксально звучит, но для развития теории информации в её современном виде вообще не требуется определений информации как таковой. Необходимым и достаточным для построения теории является понятие количества информации. Это не должно казаться странным, потому что такое положение характерно и для ряда других количественных теорий. Например, для изложения механики нужны лишь количественные характеристики движения, но не требуется анализа существа самого движения».

Заметим: потому и не требуется, что механика занимается механическими формами движения, так же как биология занимается биологическими, а общественные науки – социальными формами движения. И каждая из них методологически опирается на философскую интерпретацию категории «движение».

С опорой именно на произвольный перевод слова «информация» определения формулируются на уровне и с позиций особенного, т.е. отдельных научных дисциплин. Вот примеры таких определений: Информацией в проблемах передачи называется всякое сообщение или передача сведений о чём-либо, что заранее не было известно. Информация... есть план строения клетки и, следовательно, всего организма. Информация – совокупность приёмов, правил или сведений, необходимых для построения оператора. Информация обозначает порядок, коммуникация есть создание порядка из беспорядка или, по крайней мере, увеличение степени той упорядоченности, которая существовала до получения сообщества. Информация – это отрицание энергии. Информация – это обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму. Информация – это передача сигналов в управляющих системах, возникающих с появлением жизни, но понятие информации со-

вершено излишне на уровне организации неживой материи. Информация – это сообщение, уменьшающее неопределённость (энтропию) у получателя сообщений.

Любое взаимодействие между объектами, в процессе которого один приобретает некоторую субстанцию, а другой её не теряет, называется информационным взаимодействием. При этом передаваемая субстанция называется информацией. Свойства информации: не может существовать вне взаимодействия; не теряется ни одним из взаимодействующих объектов.

Общенаучный и философский подходы формировались в ходе развернувшихся методологических исследований сущности и природы информации.

Поиски общенаучного определения информации происходили в форме попыток дать единую для всех наук, усреднённую дефиницию (краткое определение). Но такой дефиниции не может быть, потому что каждая наука определяет свою форму информации. Вот примеры определений, характерные для общенаучного подхода. Информация – одно из свойств предметов, явлений, процессов объективной действительности, созданных человеком управляющих машин, заключающееся в способности воспринимать внутреннее состояние и воздействие окружающей среды и сохранять определённое время результаты его, предавать сведения о его внутреннем состоянии и накопленные данные другим предметам, явлениям, процессам. Информация – в самом общем случае – это разнообразие, которое один объект содержит о другом, это взаимное, относительное разнообразие. Информация есть отражение в сознании людей объективных причинно-следственных связей в окружающем нас реальном мире. Информация – мера сложности структур.

В ходе методологических исследований семантика понятия «информация» настолько расширилась, что оно стало восприниматься уже не только как общенаучная, но и как философская категория. Её стали интерпретировать в окружении других философских категорий. В не-

скольких приведённых ниже определениях информация фигурирует в ряду философских категорий (материя, отражение, взаимодействие), но именно фигурирует, а не интерпретируется по отношению к ним.

Информация – это философская категория, рассматриваемая наряду с такими понятиями, как пространство, время, материя. В самом общем виде информацию можно представить как сообщение, т.е. форму связи «между прочим, передающим сообщением, и приемником, его принимающим».

Информация, с позиций теории отражения, может быть представлена как отражённое разнообразие, которое отражающий объект содержит об отражённом объекте. Информация – это содержание процессов отражения. Информация не тождественна отражению, а есть лишь инвариантная часть, поддающаяся определению, объективированию, передаче.

В последнее время понятие информации опять стало универсально-обиходно-расхожим и утратило свои семантические границы настолько, что некоторые учёные полагают возможным обходиться без его научного определения.

Есть даже совсем ортодоксально-отрицательные высказывания относительно информации: «Никто ещё не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию... Везде мы обнаруживаем лишь воздействие материальных веществ, наделённых энергией, и нигде не обнаруживаем того, что обычно называют информацией. Почему? Да потому, что её не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира».

Однако этот тезис А.В. Соколова задолго до его появления опроверг учёный с мировым именем Норберт Винер, провозгласивший: «Информация – это не материя и не энергия. Информация – это информация». Так что же она такое?

Фундаментальное решение проблемы информации не в усреднении операциональных (специально-дисциплинарных) определений, не в приспособлении какого-либо одного из них до пригодности всем, а в

философской, т.е. наддисциплинарной, интерпретации содержания категория «информация» в её отношении к другим, философским же, категориям.

В отечественной научной литературе по вопросам природы и сущности информации наиболее обобщёнными являются две концепции: функциональная и атрибутивная. Первая продолжает кибернетическую классическую традицию и, более того, связывает информацию только с самоорганизующимися системами и, в первую очередь, с ЭВМ.

Вторая полагает информацию свойством, атрибутом всех материальных объектов, опираясь на тезис: «Информация, как и материя, существовала и существует всегда. Она неотъемлемый атрибут материи и движения». Но это значит, что кроме всех прочих материальные объекты содержат ещё одно свойство, признак, атрибут – информацию? На самом деле все материальные объекты содержат не информацию, а признаки и свойства, которые проявляются в процессах их взаимодействия между собой и признаками и свойствами других объектов. Всеобщим же свойством материи является отражение, т.е. свойство воспроизводить признаки и свойства других объектов и воспроизводиться в них в процессах движения, взаимосвязи, взаимодействия, отражения.

В русле атрибутивной концепции информация без разъяснений связывается с философской категорией «отражение» и трактуется как актуализированное в природе и обществе (их процессах и явлениях) объективное свойство форм движения материи отражать другие формы и свойства, отражаться в этих других формах и свойствах материи. Однако ни в одной из специальных работ нет систематического исследования сущности информации ни как атрибута материи, ни как «свойства форм движения материи отражать <...> и отражаться».

А между тем, самую общую философскую интерпретацию содержания категории «информация» по отношению к другим фундаментальным философским категориям (движение, взаимосвязь, взаимодействие, отражение) необходимо иметь хотя бы для взаимопонимания представителей различных научных дисциплин, в которых это понятие оказы-

вается существенным или исходным для дальнейших теоретических построений. Попробуем предпринять подобную интерпретацию, помыслив информацию по принципу разрывания сущности любого явления, предложенного системно-типологической концепцией.

Как известно, философские категории – это предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме.

Сущность любого явления как диалектического единства необходимых и достаточных внутренних и внешних признаков, свойств и отношений раскрывается через способ их существования, т.е. через процесс и преходящий промежуточный результат – форму. Как говорил Гегель, в мире существуют только вещи, предметы, их признаки, свойства и отношения, т.е. феномены, формы, в которых через чувственное восприятие и мышление нам является их сущность. Всеобщим универсальным способом их существования является движение.

Поясним содержание философских категорий, опираясь на их общефилософскую трактовку. Процесс – ход развития какого-либо явления; последовательная смена состояний явления, закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение.

Способ – это единство процесса проявления сущности и формы, в которой сущность проявляется. Иными словами, диалектическое единство процесса и проходящего промежуточного результата (формы) существования, движения, развития явления.

Движение – в широком смысле всякое изменение. Как философская категория обозначает способ существования любого явления объективной действительности (материального и идеального). Некорректно отождествлять только с механическим перемещением. Движение уни-

версально. Аристотель предупреждал: «Незнание движения необходимо влечёт за собой незнание природы».

Гегель сформулировал общие законы движения: переход количественных изменений в качественные, борьба противоположностей, снятие противоречий, отрицание отрицания. Формы движения бесконечно разнообразны. Три основные и наиболее общие формы движения: в неорганической природе, в живой природе и в обществе.

К формам движения в неживой природе относятся: пространственное перемещение, движение элементарных частиц и полей, превращения элементарных частиц, атомов и молекул, тепловые процессы, изменения агрегатных состояний, звуковые колебания. К формам движения в живой природе – обмен веществ, процессы саморегуляции, управления и воспроизводства и др. К формам движения в обществе – многообразные формы проявления деятельности людей, целенаправленного преобразования действительности. Между всеми формами движения существуют единство и взаимосвязь.

Развитие – необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных явлений. В результате развития возникает новое качественное состояние явления, которое выступает как изменение его состава или структуры (т.е. возникновение, трансформация или исчезновение его элементов и связей). Способность к развитию составляет одно из всеобщих свойств материи и сознания.

Взаимосвязь – взаимообусловленность существования явлений в природе, обществе и мышлении, разделённых пространством и (или) во времени. Одно из наилучших понятий: с выявления устойчивых необходимых связей начинается человеческое подсознание; в основании науки лежит анализ связи причины и следствия – универсальной связи всех явлений действительности.

Взаимосвязь может быть внутренняя и внешняя; необходимая и случайная; существенная и несущественная; прямая и обратная; порождения и преобразования; функционирования; развития; управления.

Взаимодействие – категория, выражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимосвязь, взаимообусловленность, взаимопереход, форму взаимосвязи – непосредственной или опосредованной. Признаки, свойства и отношения явления могут быть познаны только в их взаимодействии с другими.

Отражение – категория для обозначения всеобщего свойства материи и сознания воспроизводить в процессах взаимосвязи и взаимодействии признаки, свойства и отношения отражаемого и воспроизводиться в них. В неживой природе отражение существует в таких формах, как деформация, изменения цвета, сокращения-расширения при изменениях температуры, изменениях звуковых волн (например, эхо), физиологических процессов (например, сужение зрачка при ярком свете); в живой природе – раздражимость как регулятор приспособительного поведения, чувствительности как способности иметь ощущения, восприятия (перцепции через органы чувств).

Для отражения, свойственного человеку, характерно то, что оно есть социальный по своей природе творческий процесс. Оно предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксации других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании понятиями, в актах продуктивного воображения, фантазии, в поисковой деятельности, направленной на раскрытие истины путём формирования гипотез и их проверки, в формировании теории, в продуцировании новых смыслов, идей, целей.

Соотнося содержание философских категорий предложенным в схеме способом, можем утверждать: информация объективно существует в природе, обществе, мышлении как в наиболее общих формах бытия; информация – это способ, т.е. процесс и переходящий промежуточный результат движения отражения. Содержанием информации являются отражённые свойства, отношения взаимодействующих явле-

ний, «немедленно упакованные» в новую форму признаков, свойств и отношений; в этой новой форме «снимаются» как процессы отражения, так и признаки, свойства и отношения отражаемых и отражающих явлений. Информация – это «третье не есть» процесса отражения как всеобщего свойства форм движения материи и сознания воспроизводить признаки, свойства и отношения отражаемого и воспроизводиться в них, преходящий промежуточный результат отражения, «упакованный» в форму, которая продолжает развиваться (изменяться) в процессах дальнейшего отражения; формы информации бесконечно разнообразны; информация есть атрибут отражения, а не атрибут материи. Поэтому она не «уловима», её нельзя обнаружить на уровне чувственного восприятия. Это можно сделать только через её опредмеченные формы, через «упаковки» изменённых в процессе отражения признаков, свойств и отношений. Возможно именно поэтому в атрибутивной концепции информация фактически отождествляется с признаками и свойствами явлений материального мира. С уровня «упакованных» форм и начинается исследование информации в предмете различных естественных и общественных наук, для которых пригодны соответствующие операциональные определения её; информация – это не сами по себе объекты, явления материального и идеального мира, а взятые в процессе их взаимосвязи, взаимодействия, отражения и в единстве с результатами отражения; не просто физическое взаимодействие, а взаимодействие в процессе его отражения и в единстве с результатами такого отражения. И в этом сущность отличия информации как объективного явления действительности от изучаемых различными науками процессов и явлений материального и идеального мира, их признаков, свойств и отношений. Именно поэтому можно говорить о физическом, химическом, биологическом, социальном и другом взаимодействии признаков, свойств и отношений материального мира, а можно выделить и аспект информационного взаимодействия, не отождествляя одно с другим и не подменяя одно другим; информация существует как единство процесса и преходящего промежуточного результата отраже-

ния, но единство, взятое не само по себе, а в процессе его дальнейшего отражения – на новом, более высоком этапе взаимодействия.

Содержание информации, таким образом, есть актуализированные в виде диалектического единства процесс и результат отражения в их дальнейшем движении, в процессе нового отражения. Единство процесса и проходящего промежуточного результата этого отражения есть информация в её развитии.

Отсюда вытекает объективный принцип единства информации и процессов её движения, т.е. информации (форм её существования) и информационного процесса (форм его существования), а также принцип единства информации и её материального носителя. Вне этого единства информация не существует ни в природе, ни в обществе, ни в мышлении. Этим объясняется бесконечное разнообразие форм, в которые «упаковывается» и в которых «является» нам информация.

Принцип единства информации, процесса её движения и материального носителя имеет методологическое значение и для книговедения. Если книга – одна из форм существования, движения, развития информации в обществе, то вне диалектического единства с процессом и переходящим промежуточным результатом движения, т.е. вне способа существования, книги нет и быть не может, таким способом для книги является книжное дело.

Формой процесса существования, движения, развития информации в природе являются процессы взаимосвязи, взаимодействия, отражения материальных объектов, явлений. В обществе – это осознанное отражение человеком окружающего мира, себе подобных и самого себя в процессе и средствами общественно-практической деятельности. Поэтому общественно-практическую деятельность следует понимать как наиболее общий процесс существования, движения, развития информации в обществе. В процессе и средствами этой деятельности информация, объективно существующая в природе, организуется, трансформируется в качественно новую форму – информацию социальную.

Социальной, следовательно, мы называем информацию, отражённую в процессе и средствами общественно-практической деятельности, процесс и переходящий промежуточный результат этого отражения в их диалектическом единстве друг с другом и с процессом дальнейшего отражения. Содержанием социальной информации является информация, её содержание и (или) форма, отражение в процессе общественно-практической деятельности, процесс и результат этого отражения в их диалектическом единстве друг с другом и с процессом дальнейшего отражения средствами общественно-практической деятельности, различных видов её, т.е. переходящий промежуточный результат – конец одного цикла отражения и начало другого. Информационная интерпретация общественно-практической деятельности конкретизирует один из аспектов человеческой деятельности, а именно «отражения» и «общения», т.е. коммуникационный аспект в отвлечении от других (экономического, технического, социального, психологического, кибернетического и пр.). Однако целостность общественно-практической деятельности реализуется лишь в системе всех её аспектов.

При таком подходе общественно-практическую деятельность можно трактовать как процесс движения информации в обществе, на уровне которого происходит превращение информации, совершается переход её в качественно новую форму. Сущность этого перехода состоит в отражении информации, объективно существующей в природе и обществе, превращении, организации её средствами общественно-практической деятельности в информацию социальную.

Общественно-практическая деятельность как наиболее общая форма информационного процесса может быть квалифицирована как способ существования социальной информации в нём. При этом процессом существования социальной информации является сама общественно-практическая деятельность во всём многообразии форм её проявления, а промежуточным результатом – социальная информация, возни-

кающая и развивающаяся в процессе этой деятельности как её продукт, объективный результат отражения.

Человеческая деятельность по определению имеет целесообразный характер. Поэтому социальная информация есть информация, сознательно организованная в процессе и средствами общественно-практической деятельности.

Именно целеосознанный характер человеческой деятельности, социального отражения определяет сущность семантической информации как информации социальной, содержание которой отражено сознанием в процессе общественно-практической деятельности.

Содержание семантической информации есть, таким образом, социальная информация, её содержание и (или) форма, отражённые сознанием, процесс и переходящий промежуточный результат этого отражения в их единстве друг с другом, процессом и средствами дальнейшего отражения, т.е. отображение социальной информации в процессе и средствами осознанной общественно-практической деятельности.

Семантическая информация – это социальная информация, содержание которой отражено сознанием (семантическая информация) и организовано средствами семиотической системы «язык», процесс и результат этой организации в их диалектическом единстве друг с другом и с процессами дальнейшего отражения средствами той же системы.

Материально-предметная информация – это социальная информация, содержание которой отражено сознанием (семантическая информация) и организовано средствами материального производства, процесс и результат этой организации в их диалектическом единстве друг с другом и с процессами дальнейшего отражения средствами материального же производства.

Заметим, что на уровнях материально-предметных форм движения книги обе они сливаются, и вторая становится не менее актуальной, определяя сущность опредмечивания, материализации книги в книж-

ное издание и движение последнего в культуре, обществе, пространстве, времени.

Слияние форм движения социальной информации предопределено тем, что при всей относительной самостоятельности семантическая информация – лишь один из внутренних уровней развития информации семантической, одна из форм её. И в качестве таковой она на любой стадии своего развития может быть отражена, организована как средствами семантической системы «язык» в информацию семантическую же (но более сложную форму её), так и средствами материального производства в информацию материально-предметную, в любую конкретную форму. Однако и в том и в другом случае вновь возникшая форма развития социальной информации будет более сложной по отношению к предшествующей, так как в «снятом», отражённом виде включает в себя содержание и (или) её форму. При этом каждый последующий этап такого отражения следует рассматривать как более высокий уровень развития спирали общественно-практической деятельности, потому что он органически включает в себя результат и содержание предыдущего. Этот процесс в диалектике называется «снятием».

В настоящее время основными средствами организации такого рода являются: письмо (нотная запись), полиграфия, копирование изображения, техническая, в том числе электронная, запись звука и изображения. В процессе развития и частичного синтеза эти средства дают печать, радио, кино, телевидение, Интернет, т.е. все современные средства массовой коммуникации.

2.3. Книга в системе понятий «контекст», «текст», «метатекст»

Целеосознанность общественно-практической деятельности, неразрывность языка и сознания имеют следствием то, что на уровне коммуникации «познание» коммуникационный процесс «сознание», будучи процессом и переходящим промежуточным результатом развития и взаимопереходов знаковых форм отражения социальной инфор-

мации, есть вместе с тем процесс и переходящий промежуточный результат осознанного отношения субъекта (общества) к содержанию и формам социальной информации, а также к формам знакового выражения её. Единство семантической информации и осознанного отношения человека к ней будем в дальнейшем называть контекстом.

Таким образом, контекст – это диалектическое единство социальной информации, процесса и переходящего промежуточного результата осознанного отражения её (информация семантическая), а также отношения субъекта (группы людей, общества) к данной информации, её содержанию и (или) форме, к процессу их отражения. Единство, взятое, однако, не только само по себе, но и в процессе его дальнейшего отражения, т.е. на новом, более высоком витке развития семантической информации.

Обобщая, можно сказать, что контекст не только единство процесса и переходящего промежуточного результата познания его на всех ступенях его развития (чувственное восприятие, абстрактное мышление, практика), но и процесс и переходящий промежуточный результат отношения субъекта (группы людей, общества) к процессу и результату познания в их диалектическом единстве, переходящий промежуточный результат всего многообразия форм развития познания.

Способ существования контекста, следовательно, есть процесс его движения в сознании, иными словами – возникновение, смена форм контекста и выражение их в познании (действительное сознание), отражение и дальнейшее развитие в культуре (действительное познание). И с этой точки зрения способ коммуникации «культура» есть способ существования и движения семантической информации в форме процесса и переходящего промежуточного результата выражения контекста средствами семантической системы «язык» и отношения общества к данному контексту и к формам его выражения. Отсюда возможность, во-первых, рассматривать культуру как семантическую систему, а во-вторых, понимать её как актуализированный контекст, диалектическое единство конкретных форм его выражения.

Вторичность «контекста» и форм его выражения, их производность от общественно-практической деятельности отражаются и во вторичном, надстроечном характере «культуры».

«Контекст» как содержание семантической информации в коммуникационной системе «познание» получает своё дальнейшее развитие в способе коммуникации «культура», в процессах организации этого содержания либо средствами материального производства (материальная культура), либо средствами семиотической системы «язык» (духовная культура). В последнем случае процесс есть выражение контекста средствами семиотической системы «язык», а промежуточный результат – семиотическая информация, такая форма её, как контекст, актуализированный средствами языка.

Диалектическое единство сознания и языка проявляется в том, что контекст, будучи процессом и переходящим промежуточным результатом развития и взаимопереходов знаковых форм отражения социальной информации, есть, вместе с тем, процесс и переходящий промежуточный результат осознанного отношения человека (группы людей, общества) к содержанию социальной информации и к формам знакового отражения её.

Знаковый характер отражения социальной информации в духовной культуре определяет знаковую же природу «контекста» в ней, а потому и знаковую природу духовной культуры как реального, действительного «контекста».

Поскольку «язык» вообще есть знаковая система любой материальной природы, в материальной и духовной культуре выражение «контекста» возможно только материальными средствами. В материальной культуре – это средства материального производства, а в духовной – знаковые системы любой материальной природы.

Переходящий промежуточный результат выражения контекста есть текст в самом широком, категориальном смысле слова. Текстом вообще следует называть любой категориальный способ выражения «контекста». Поэтому можно говорить, во-первых, о тексте культуры как

единстве процесса и переходящего промежуточного результата этого выражения, во-вторых, о тексте любого предмета материальной культуры или произведения духовной культуры, а, в-третьих, об инвариантности (неизменности при преобразованиях) «контекста» в материальной и духовной культуре и различии форм отражения его в сфере материального производства (форма информационного процесса в обществе) и духовной культуре (коммуникационный процесс), т.е. о многообразии форм выражения контекста.

Таким образом, процесс движения «контекста» в «культуре» – это процесс его дальнейшего развития, а именно: осознанной организации средствами культуры во всём многообразии средств и результатов выражения различными текстами.

Диалектическое единство контекста и выражающего его текста следует квалифицировать как произведение в самом широком значении данного понятия.

Содержанием культуры как способа социальной коммуникации становится контекст, выраженный либо средствами материального производства (материальная культура), либо средствами знаковой системы «язык» (духовная культура). И с этой точки зрения культура может рассматриваться в качестве произведения, контекстом которого является содержание и (или) форма социальной информации как результат общественно-практической деятельности, отражённой общественным сознанием, т.е. само общественное сознание, существующее в таких формах, как религия, наука, право, мораль, этика, эстетика и т.д. А текстом становится, с одной стороны, материальное производство, а с другой – семиотическая система «язык» и такие её подсистемы, как письменность, литература, музыка, изобразительное искусство.

Из сказанного следует, что процесс движения и развития произведения в обществе нельзя определить иначе, как способ коммуникации «культура». В этом смысле культура есть способ существования и движения произведения в обществе.

В произведении обе составляющие (контекст и текст) существуют только в диалектическом единстве, вне которого произведения нет, как нет процесса движения его вне диалектического единства знакового выражения контекста, т.е. организации его в текст, и отражения этого текста и этого контекста сознанием в процессе коммуникации.

Индивидуальное сознание не существует вне сознания общественного. Поэтому если общей формой существования контекста является культура, то на уровне индивида форма эта есть его индивидуальный контекст – отношение к окружающему миру: природе, её процессам и явлениям, к общественной жизни, социальной действительности, к науке, литературе, изобразительному искусству, музыке и т.д. – к социальной информации и формам её отражения в коммуникационном процессе «сознание».

Это индивидуальное отношение, выраженное в обыденном сознании, представлении, мировоззрении, морали, этике, знаниях человека (индивидуальный контекст) и актуализированное в его поступках, суждениях – во всех формах проявления личности (в предельно широком смысле – текст индивидуального контекста), есть индивидуальная культура как действительное индивидуальное сознание. Степень его развития определяет общественную ценность личности.

На уровне общественного сознания произведением будет сама культура и её подсистемы – литература (естественно, не только художественная), музыка, изобразительное искусство, а на уровне индивидуального контекста, индивидуальной культуры эта форма есть авторское произведение – диалектическое единство индивидуального контекста и индивидуальной, единичной формы его выражения (авторский текст). Только так и понимается произведение в науке, литературе, музыке, изобразительном искусстве.

Поскольку вне единого общественного контекста (всеобщее – культура) не может существовать контекст индивидуальный (единичное – культура личности), а следовательно и индивидуальный текст (конкретное произведение), поскольку вне культуры, вне общественного

контекста произведение не существует и понятно быть не может, ибо вне общественного сознания не существует и не может существовать сознание индивидуальное.

И тогда содержанием духовной культуры становится контекст, существующий в виде названных выше форм общественного сознания, а формой духовной культуры – способы их выражения средствами таких социальных (в том числе и массовых) коммуникативных систем, как письменность, литература, музыка, изобразительное искусство, книжное дело, печать, радио, кино, телевидение, мультимедиа.

Именно поэтому содержание духовной культуры правомерно определить как диалектическое единство форм общественного сознания и семиотических систем их выражения. Вне единства ни то, ни другое существовать не может, в чём проявляется фундаментальный тезис о неразрывности мышления и языка.

Исторически сложились и существуют в обществе три основные системы «язык»: единственный язык, язык музыки, язык изобразительного искусства.

В устной форме естественный язык существовал до изобретения алфавита, возникновения письма и перехода в более сложную форму – письменную. Исторический момент вхождения письма и письменности в способы человеческой коммуникации изображён в книге «Исход» Ветхого Завета (Исх., 32:15), когда Господь дал пророку Моисею Скрижали Завета на каменных плитах.

Возникновение письма и письменности стало величайшим поступательным сдвигом в развитии человеческой цивилизации. Письмо и письменность, естественно, не отменили устной речи, равно как и книгопечатание не уничтожило рукописи, а мультимедиа не отменяет всех предыдущих форм бытования естественного языка, а скорее рационально и плодотворно интегрирует их.

На уровне наиболее общих форм произведения в духовной культуре (литературное, музыкальное, изобразительное) литература, музыка,

изобразительное искусство будут формами способа существования произведения.

Здесь мы акцентируем именно коммуникативный аспект этих явлений и оставляем в стороне лингвистический, литературоведческий, музыковедческий, искусствоведческий аспекты как содержание предмета других наук. Сходство и различие книговедения и смежных с ним дисциплин лежит именно здесь, в границах единой системной науки о культуре.

Индивид (автор), выражая свое отношение к тому или иному явлению, процессу действительности, а в аспекте наших рассуждений – к социальной информации, организует его средствами той или иной знаковой системы. И с этой точки зрения процесс движения контекста в литературе, музыке, изобразительном искусстве и шире – в культуре предстанет в качестве способа организации его в содержание произведения текстом.

Литература есть способ существования словесного произведения в культуре, процесс и переходящий промежуточный результат его движения в ней, т.е. развития по специфическим внутренним законам словесного творчества, письменности как высшей формы коммуникативной системы «естественный язык». Это процесс и промежуточный результат движения и развития контекста словесного произведения в культуре, языке, письменности, а следовательно также процесс и переходящий промежуточный результат развития текста данного произведения в названных системах. В этом смысле литература (равно как музыка и изобразительное искусство) есть способ социальной коммуникации, т.е. внутренний уровень развития способа коммуникации «культура».

Вместе с тем литература есть также способ организации «контекста» в контекст словесного произведения средствами естественного языка, способ организации контекста словесного произведения в текст литературного произведения, т.е. выражения контекста средствами и по законам литературного творчества, письменной речи – единство

процесса и переходящего промежуточного результата этой организации на всех уровнях её развития как формы движения контекста в культуре. (По такому же принципу можно определить музыку и изобразительное искусство.)

Процесс в этом случае есть сама организация контекста в контекст литературного произведения, осуществляемая в соответствии с внутренними законами и средствами «литературы» как социальной коммуникативной системы и вида словесного творчества. Переходящий промежуточный результат – контекст литературы и контекст литературного произведения в их движении, взаимосвязи и выражении средствами письменной речи, т.е. процесс возникновения (создания) и отражения произведения письменности. Иными словами, мы говорим о единстве процессов движения контекста, возникновения новой формы его (контекста литературного произведения), отражения этой формы в сознании и выражения её средствами знаковой системы (естественный язык) таких подсистем, как письменная речь и письменность. Именно поэтому произведение письменности всегда конкретно и существует только в форме литературного, музыкального или изобразительного произведения.

Содержание социальной информации, организованное в контексте литературы (единство этого содержания, контекстов литературных произведений и отношения общественного сознания к ним), отражаясь в сознании автора (в его творчестве), предопределяет контекст нового произведения, его место в контексте литературы.

Появление контекста нового произведения в литературе как системе его контекстов приводит к количественному или качественному изменению всей системы, к возникновению нового контекста литературы. Процесс развития литературы, таким образом, это развитие системы её контекста, системы подвижной и изменчивой. Текст в данном случае мы понимаем как аналогичное системное единство текстов произведений литературы. А так как текстом мы называем любую материальную форму выражения контекста, то текст литературного произведения

есть все реализованные структурные, содержательные и языково-стилистические элементы данного произведения.

Изменение контекста литературы происходит не только с появлением каждого нового произведения, но и с изменением отношения общества к уже существующим, т.е. в процессе отражения их общественным сознанием, одна из форм которого – расширение круга читателей литературных произведений.

Системное понимание контекста и текста позволяет дифференцировать уровни системы «произведение». Конкретное литературное, музыкальное, изобразительное произведение есть всегда единство конкретного авторского контекста и конкретного авторского текста. Изменение любой составляющей или обеих одновременно приводит к появлению иного произведения.

Неизбежен вопрос о сущности и формах процесса дальнейшего его отражения в различных коммуникативных системах, в том числе и в книжном деле.

Если бы процессы отражения контекста и текста литературного, музыкального, изобразительного произведения ограничивались копированием (размножением) текста произведения, то вопрос о сущности понятия «книга» решался бы однозначно: книга есть копия (рукописная, печатная, электронная) текста произведения литературы, музыки, изобразительного искусства, которая в книжном деле существует в форме книжного издания, т.е. книга есть книжное издание.

Но тогда процесс развития литературы, музыки, изобразительного искусства сводился бы лишь к количественному накоплению и распространению копий текстов произведений в обществе, а процесс развития книги – к количественному накоплению книжных изданий. И всё это противоречило бы сущности процесса развития социальной информации в коммуникативных системах.

Сущность движения социальной информации в сознании заключается в том, что это процесс развития, последовательная смена форм её существования. Начинается он с отражения сознанием содержания со-

циальной информации (семантическая информация) и протекает через контекст, форму её выражения – текст (материально-предметная и семиотическая информация), произведение, через формы его существования в таких коммуникативных системах, как словесность, музыка, изобразительное искусство, далее – через формы существования произведения в литературе, музыкальной и художественной культуре к формам существования его в национальной духовной культуре, а через них – и к формам существования в интернациональной культуре.

При этом каждая последующая промежуточная форма развития социальной информации не отрицает предшествующей, а напротив, включает её в «снятом виде», т.е. реализует её возможности. Каждая из них, таким образом, есть действительность предшествующей и возможность последующей, а процесс развития в целом – последовательная актуализация этих возможностей. Поэтому мы вправе рассматривать его как процесс целосознанной организации одного, относительно простого явления, в другое – относительно более сложное.

И эта закономерность – основная качественная характеристика движения (отражения) содержания социальной информации в коммуникативном процессе «сознание» – обуславливает то, что следующий за произведением литературы (музыки, изобразительного искусства) уровень организации содержания социальной информации как единства контекста и текста произведения объективно есть способ организации произведения в последующую, более сложную форму его выражения в культуре. Именно сам способ (процесс и результат) такой организации, а не только переходящий промежуточный результат его.

Все рассмотренные выше логические этапы движения социальной информации и переходов одной её формы в другую в коммуникативном процессе «сознание» можно назвать докнижным.

Книги пока нет, но есть возможность её возникновения на этапе процесса целосознанной организации одной формы социальной информации в другую. Есть и объективная необходимость появления более сложной по сравнению с литературным (музыкальным, изобрази-

тельным) произведением формы существования и развития в обществе семиотической информации, предопределенная закономерностями развития коммуникативного процесса «сознание».

Диалектическое единство контекста и текста литературного, музыкального, изобразительного произведения выражается средствами письма (в том числе нотной записи и изобразительного искусства), а затем фиксируется средствами социальной коммуникативной системы «письменность» и таких её подсистем, как книжное дело, пресса, радио, кино, телевидение, мультимедиа, превращаясь в документ письменности.

2.4. Книжное издание

Содержание процесса производства реальной, действительной книги следует понимать как организацию литературного, музыкального, изобразительного произведения, существующего в форме письменного документа (его контекста и текста), в книжное издание средствами книгопроизводства, объективированного книгоиздательским делом и материализованного в редакционно-издательских и типографских процессах.

Отражение литературного, музыкального, изобразительного произведения в процессе его организации в более сложную форму есть вместе с тем и процесс выражения отношения человека (общества) к данному произведению (контексту и тексту) в силу активности его сознания. Поэтому контекст книжного издания всегда сложнее контекста издаваемого произведения, так как, будучи диалектическим единством данного произведения, его контекста и текста, он в то же время включает в себя осознанное отношение человека (общества) к ним, к их автору, его творчеству, к необходимости и конкретной цели организации данного произведения в книжное издание средствами книгоиздательского дела.

Возникший в процессе организации произведения контекст книжного издания выражается средствами письменной речи (нотной записи,

изобразительного искусства), технологическими средствами книгоиздательского дела, превращаясь в текст книжного издания. И текст этот, в свою очередь, всегда шире текста издаваемого произведения, ибо наряду с последним содержит ещё и тексты, фиксирующие отношение общества (человека) к данному произведению в виде всей совокупности элементов научно-сопроводительного аппарата, художественного и полиграфического оформления, материально-конструктивной организации книжного издания. Диалектическое единство этого контекста и этого текста есть содержание понятия «книжное издание».

В литературе и культуре развитие контекста книжного издания – это не только новый контекст литературы и культуры (контекст, изменённый контекстом книжного издания) и отношение общественного сознания к ним, но и вся общественно-практическая деятельность (результат её), изменённая новым контекстом культуры, а следовательно, и общественное сознание, изменённое процессом отражения контекста книжного издания, всех форм его движения – процесс и переходящий промежуточный результат отражения и этого изменения в их диалектическом единстве.

Книжное издание как переходящий промежуточный результат книжного дела, как материальная, предметная форма книги может существовать и существует за пределами книжного дела, является объектом дальнейшего отражения в различных процессах общественно-практической деятельности.

Сущность процесса движения книжного издания в обществе есть отражение его сознанием, т.е. воспроизводство книжного издания (его контекста и текста) в ходе и средствами различных форм общественно-практической деятельности – диалектическое единство процесса и переходящего промежуточного результата этого отражения. Но в этом случае мы говорим о функциях, роли, значении книги в жизни человека, людей, общества в целом, о преобразующем воздействии книги на сознание людей. Иными словами, мы говорим о функциях книги в обществе, о воздействии системы «книга» на другие подсистемы комму-

никативного процесса «сознание», о воспроизводстве книги, но средствами не книжного дела, а других форм общественно-практической деятельности. Предшествующие «книге» и последующие подсистемы коммуникативного процесса «сознание» представляют собой соответственно докнижные и послекнижные этапы. Собственно книжный этап – это «книга в книжном деле».

2.5. Традиционная и электронная книга: векторы взаимодействия

В чём причина популярности электронной книги, которая становится «хитом» коммерческого рынка? Зачем читателю платить сотни рублей за электронную книгу, когда можно, например, купить любой роман Л.Н. Толстого, напечатанный на высококачественной бумаге, и обойтись без специального оборудования и электрического питания? Или всё дело только в моде на Интернет? Остановимся на психологических, медицинских и экономических аспектах, не затрагивая техническую сторону дела.

Ценовой рубеж, не позволяющий рядовому человеку приобретать электронные книги, уже пройден. И теперь перед российскими читателями встаёт дилемма: какую книгу предпочесть?

После 20 минут чтения с экрана возникает перенапряжение в глазах и требуется перерыв. Парадокс: люди часами играют в виртуальные игры, но при этом не могут воспринимать печатную информацию, выведенную на экран, в течение этого же времени.

По данным статистики в электронном формате чаще всего читают так называемую справочно-информационную литературу, но в последние 2-3 года популярным стало и чтение художественной литературы (в частности, в жанре фэнтези), хранящейся в электронных библиотеках Интернета (это показывает рейтинг электронной библиотеки Максима Мошкова и др.). Конечно, внимание к подобным книгам вызвано большим количеством экранизаций произведений корифеев этого жанра: Дж.Р.Р. Толкиена, С.В. Лукьяненко, К.С. Льюиса и др. Само по себе

это не плохо. При этом следует осознавать, что идёт активная рекламная кампания, пропагандирующая электронные книги. Часто на сайтах электронных магазинов можно найти слоганы типа «Электронные книги – это стильно и модно!».

Электронная книга обладает рядом неоспоримых достоинств. В их числе – компактность: электронная книга намного вместительнее печатной, она может включать содержание многотомной энциклопедии и даже книг целой библиотеки. Кроме того, электронная книга сокращает время поиска информации: текст приобретается в веб-узле и сразу загружается, причём в виде битов через Интернет любая книга может быть доставлена мгновенно.

Электронная книга обеспечивает лёгкость аннотирования, позволяя добавить собственные замечания, выделять текст и вносить комментарии, ссылки. Возможность манипулировать текстами вызвала к жизни гипертекст, позволяющий находить и объединять по смыслу фрагменты текста.

Электронная книга более выгодна для читателя, чем печатное издание, что связано с отсутствием затрат на издание, невысокой стоимостью хранения и доставки. На практике нет никаких препятствий к тому, чтобы классическую литературу и другие общедоступные тексты загружать из электронных хранилищ бесплатно. Новые книги, распространение которых издатели вынуждены финансировать, делать авторские отчисления и нести другие расходы, обходятся намного дешевле, чем в случае с печатными изданиями.

Именно электронные книги предоставляют дополнительные возможности получать вознаграждения авторам даже самых малочитаемых, но актуальных для узкого круга потребителей работ, которые из-за убыточности отвергаются традиционными издателями. Авторы могут заниматься самиздатом, формируя свои тексты для электронных считывающих устройств и размещая их на веб-узле для распространения. Кроме того, электронная книга в состоянии спасти от вырубки

множество деревьев: можно использовать бумагу избирательно и печатать только то, что необходимо.

Чтение с экрана позволяет избавиться от нездорового для глаз сочетания чёрных букв и белого фона и использовать более щадящую форму – зелёные, жёлтые буквы на чёрном фоне.

Компьютерное восприятие предоставляет большой простор для использования иллюстрированного материала. С точки зрения читательского восприятия и развития творческого воображения это положительная альтернатива. Технические средства создают также хорошие условия для повышения скорости чтения. Опыт показывает, что экран вполне активизирует информационно-воспринимающие способности личности. Перспектива обучения навыку чтения открывается с режима прокрутки текста. Важным вопросом является компоновка представляемых материалов в масштабе экранного изображения, рациональное расположение смысловых и зрительно-образных элементов. Они должны облегчать чтение.

Но электронная книга имеет и негативные качества, которые отражаются на психике человека, изменяют его возможности восприятия информации.

Создатели электронной книги стремятся воспроизвести обычную книгу. Решающее значение имеет одинаковость кодирования информации, т.е. изложение на естественном и математическом языках. Благодаря этому переход от чтения традиционной книги к электронной происходит легко, но не наоборот. При понимании смысла научного текста решающим звеном является знание терминов. Художественное же произведение эмоционально, образно по своей сути.

Мультимедийные эффекты, сопровождающие электронный текст, влияют именно на образное, зрительное и слуховое восприятие. Иное, чем в печатной книге, соотношение смысловых и образных элементов ведёт к изменению способов воздействия на психику человека. В этом ракурсе находит объяснение и модный вопрос о зомбирующем влиянии экранов.

Переводя книжный текст в компьютерную форму, можно сильно изменять уровень воздействия на информационно-психологическую сферу человека. Компьютерные средства дают возможность закладывать в гипертекст повышенное влияние.

При работе с компьютером появляется дополнительная смысловая нагрузка – управление самим техническим устройством.

Существует масса примеров, когда длительная работа с экраном приводит к ухудшению зрения. К сожалению, другие болезни (боли в суставах рук, спине и др.) учитываются редко.

Можно сформулировать ряд медицинских требований в помощь работающим с компьютером. Вот некоторые из них:

- Расстояние от глаз до монитора компьютера должно быть не менее 60 см. По возможности пользуйтесь монитором с максимально плоским экраном, не слишком ярким и не дающим бликов.

- Не работайте за компьютером более двух часов без перерыва. Ещё лучше, если каждые 20 минут вы будете давать глазам отдых. Для этого достаточно отвести глаза от экрана и посмотреть в даль.

- Чаще моргайте. Это простое движение стимулирует выработку слёз, которые помогут увлажнить уставшие глаза и снять напряжение.

- Периодически на 1-2 минуты закрывайте глаза. Другой вариант: потрите ладони друг о друга, пока они не станут теплыми, и плотно приложите их к закрытым глазам на 2-3 минуты.

- Если вы работаете в офисе с кондиционером (в таких помещениях воздух особенно сух), то следует пользоваться специальными глазными каплями, которые увлажняют и освежают глаза. Подобрать их поможет врач.

- Обязательно включайте дополнительный свет, не попадающий на экран или в глаза.

- Вечером на 15-20 минут положите на уставшие глаза два остуженных пакетика чая или салфетки, смоченные в настое ромашки, или холодное мокрое полотенце.

Компьютерный способ обмена информацией ведёт к созданию нового пространства общения людей. Некоторые уже не мыслят жизни без виртуального общения и предпочитают его всему остальному; это одна из категорий современных «нечитателей» – компьютерные фанаты.

Тем не менее, электронная книга знаменует следующий, ещё более насыщенный этап бытия. Устоит ли читатель электронной книги перед тем, чтобы не внести в классический текст изменений, чтобы не заменить главы Л.Н. Толстого главами собственного сочинения? Мы рискуем потерять достижения книжной культуры, накопленные человечеством на протяжении тысячелетий.

Есть у этого изобретения и нравственный аспект. Не циничен ли сам принцип стирания текста? Не станет ли электронная книга тем порогом, который, вопреки поговорке, замахнётся на написанное пером? Психологическая лёгкость стирания текста может закрепиться в памяти и губительно повлиять на традиционное уважение к книге.

Самой сложной является проблема интеллектуальной собственности. Речь идёт не только о простом «пиратстве», хотя перевод текста в цифровую версию неизбежно сделает воровство лёгким бизнесом, – возникают трудности в установлении юридического порядка авторства идеи как таковой.

Электронная книга ставит проблемы экономического характера и перед библиотечными работниками. Во всём мире вот уже полтора столетия библиотечные услуги бесплатны – это одна из этических ценностей.

Вместе с тем, нельзя отрицать достижения традиционных бумажных изданий. В будущем они будут существовать параллельно. Человек ещё полностью не адаптировался к электронным носителям психологически и экономически. Читатель взвесив все «за» и «против», должен сам решить, какую книгу ему предпочесть.

Вопросы для самопроверки

1. Исторические подходы к определению понятия «книга» и выявлению сущности книги.
2. Различия между выражениями «содержание книги» и «содержание категории "книга"».
3. Наиболее простые субстанциальные признаки книги как системы смыслов.
4. Существующие подходы к определению содержания понятия «информация».
5. Содержание категории «информация».
6. Содержание понятий «контекст», «текст», «произведение».
7. Сущность книги, содержание книговедческой категории «книга».
8. Книжное дело как способ существования реальной, действительной книги.
9. Книжное издание.
10. Наиболее общие формы книги в процессах книгопроизводства, книгораспространения, книговоспроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном учебном пособии отражены опыт последовательного теоретического обоснования с позиций системного подхода и средствами типологического книговедческого метода сущности, способов и форм существования, движения и развития книги как объективного явления социальной действительности, системы целостного книговедческого научного знания в историческом и логическом аспектах, сущности взаимодействия книговедения со смежными дисциплинами, типологического метода, книговедческого познания, фундаментальных принципов и критериев типизации книжных изданий, т.е. методологических проблем науки о книге.

В данном пособии также представлены терминологические стандарты, отражающие нормативное словопотребление во многих областях практики книжного дела и книговедческого знания, что имеет большую ценность для студентов, так как высшей практической целью любой теории является разработка научных основ управления общественной практикой. Для книговедения как приведённого в систему научного знания о книге высшей целью остаётся разработка книговедческих научных основ управления практикой книжного дела на всех уровнях и во всех формах её проявления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беловицкая, А.А. Общее книговедение [Текст]: учеб. / А.А. Беловицкая. – М.: МГУП, 2007. – 393 с.
2. ГОСТ 7.53 – 2001. Издания. Международная стандартная нумерация книг.
3. ГОСТ 7.60 – 2003. Издания. Основные виды. Термины и определения.
4. ГОСТ 7.78 – 99. Издания. Вспомогательные указатели. Государственные стандарты.
5. Добровольский, В.В. Книжная культура как научная категория [Текст]/ В.В. Добровольский // Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 47-52.
6. Ельников, М.П. Книговедение в прошлом, будущем или нигде [Текст]/ М.П. Ельников // Книга и мировая цивилизация. – М.: Наука, 2004. – С. 54-57.
7. Книговедческий анализ литературно-художественных и детских изданий: метод. указания / сост. Т.Ю. Децова – Самара: Изд-во СГАУ, 2006. – 41 с.
8. Международный стандартный книжный (ISBN) [Текст]: пособие для изд. / сост. С.Ю. Калинин, И.И.Ильина, В.П. Борисова – Вып. 3 – М.: РКП, 2007. – 29 с. (Библиотека Российской книжной палаты)
9. Основные стандарты по издательскому делу [Текст]: сборник / сост. А.А. Джиго, С.Ю. Калинин. – М.: Университетская книга, 2009. – 326 с.
10. Типология изданий [Текст]/ М.: Книжная палата, 1990. – 231 с.
11. Фролов, В.В. Российская естественно-научная и техническая книга [Текст]: монография / В.В. Фролов. – М.: МГУП, 2008. – 246 с.
12. Шиманов, А.Е. Издания отраслевой литературы [Текст]: конспект лекций / А.Е. Шиманов. – М.: МГУП, 2006. – 125 с.
13. Энциклопедия книжного дела [Текст]/ Ю.Ф. Майсурадзе, А.Э. Мильчин, Н.П. Маковеев [и др.]. – М.: Юристь, 2004. – 634 с.

Учебное издание

Депцова Татьяна Юрьевна

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ОБЩЕГО КНИГОВЕДЕНИЯ**

Учебное пособие

Редактор Н.С. Куприянова
Доверстка А.В. Ярославцева

Подписано в печать 22.11.10. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 4,0. Тираж 100 экз. Заказ . Арт. С - 13/2010.

Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С. П. Королёва.
443086 г. Самара, Московское шоссе, 34.

Изд-во Самарского государственного аэрокосмического университета.
443086 г. Самара, Московское шоссе, 34.